

**ФОРМЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ ИСЛАМСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ
В КЫРГЫЗСТАНЕ И ИСЛАМИЗАЦИЯ РАДИКАЛИЗМА:
ЕСТЬ ЛИ КАУЗАЛЬНАЯ СВЯЗЬ**

Н.С. Таткало

Рассматривается обоснование тезиса об отсутствии обязательной причинно-следственной связи между наглядно-образными формами религиозности мусульман Кыргызстана и радикализацией их взглядов под лозунгами исламских принципов, что обуславливает неэффективность возведения отдельных форм демонстрации религиозных чувств верующими в ранг проблемы национальной безопасности как метода противодействия распространению радикальных идей. Концептуальные рамки статьи определены получившим широкое распространение подходом, приоритизирующим важность субъективного фактора в определении верующими приемлемой формы проявления своей религиозности. Доказательная база статьи выстроена на основе анализа результатов этнографических исследований, ключевым методом которых был кейс-стади. Это позволило обозначить необходимость изучения процессов, происходящих в мусульманской общине Кыргызстана на низовом уровне в дополнение к проводимым генерализированным социологическим опросам.

Ключевые слова: объективация религиозности; исламизация радикализма; исламское поле; секьюритизация внешних форм религиозности.

**КЫРГЫЗСТАНДА ИСЛАМДЫК ДИНЧИЛДИКТИ ОБЪЕКТИВДЕШТИРҮҮНҮН
ФОРМАСЫ ЖАНА РАДИКАЛИЗМДИ ИСЛАМДАШТЫРУУ:
МЫЙЗАМЧЕНЕМДҮҮ БАЙЛАНЫШЫ БАРБЫ**

Н.С. Таткало

Макалада Кыргызстандын мусулмандарынын динчилдигинин көрсөтмө-образдуу формалары менен исламдык принциптердин лозунгдары боюнча алардын көз-карашын радикалдаштыруунун ортосундагы милдеттүү себеп-натыйжалагыч байланыштын жоктугу тууралуу тезисти негиздөө каралган, мунун өзү радикалдык ойлорду жайылтууга каршы күрөшүүнүн ыкмасы катары улуттук коопсуздуктун көйгөйлөрү рангына динчил адамдар тарабынан диний сезимдерди көрсөтүүнүн өзүнчө формаларын түзүүнүн натыйжалуу болбой тургандыгын шарттайт. Макаланын далилдик базасы негизги методу кейс-стади болгон этнографиялык изилдөөлөрдүн жыйынтыктарына талдоо жүргүзүүнүн негизинде түзүлгөн. Бул жалпылаштырылган социологиялык сурамжылоолорго кошумча, төмөнкү деңгээлде Кыргызстандын мусулман коомунда болуп жаткан процесстерди изилдөө зарылчылыгын белгилеп көрсөтүүгө мүмкүнчүлүк берди.

Түйүндүү сөздөр: динчилдикти объективдештирүү; радикализмди исламдаштыруу; исламдык талаа; динчилдиктин сырткы формаларын секьюритизациялоо.

**FORMS OF OBJECTIFICATION OF ISLAMIC RELIGIOSITY
IN KYRGYZSTAN AND ISLAMIZATION OF RADICALISM: IS THERE A CAUSAL LINK**

N.S. Tatkalov

The article is devoted to the substantiation of the argument about the absence of an obligatory causal relationship between visual-figurative forms of religiosity of Kyrgyzstani Muslims and the radicalization of their views under the

guise of Islamic principles. That makes it ineffective to identify certain forms of religious feelings demonstration by believers as a national security problem in order to counter the spread of radical ideas. Conceptually, the article is built on a widely accepted approach that prioritizes the importance of the subjective factor in determination of an acceptable form of manifestation of religiosity by believers. The evidence base of the article is built on the analysis of results of ethnographic researches with case study as their main method. That was helpful from the standpoint of identification of the need to study the processes taking place in the Muslim community of Kyrgyzstan at the grassroots level in addition to generalized sociological surveys.

Keywords: objectification of religiosity; Islamization of radicalism; Islamic field; securitization of external forms of religiosity.

Свобода вероисповедания, провозглашенная после получения Кыргызстаном статуса независимого и суверенного государства, актуализировала процесс исламского возрождения, предполагающего рост общественного интереса к исламу как к той духовной скрепе, которая может объяснить действительность и указать на выход из сложной ситуации. В свою очередь, объективация интереса граждан к исламу, как правило, проявляется в исполнении ими исламских ритуалов, получении религиозного образования, соблюдении исламских норм в одежде и поведении. Однако проблемным аспектом данного процесса является тот факт, что он ведет к усложнению исламского поля республики. На фоне здорового поиска источника духовного возрождения большинством верующих, отдельными группами продвигается цель установления исламского государства, которая оправдывает применение насилия и террора. В терминологии О. Руа это определяется как «исламизация радикализма», в основе которой лежит манипулирование догматами ислама для обоснования применения насилия [1, с. 6].

В настоящей статье доказывается тезис о том, что форма объективации религиозности мусульманами Кыргызстана не может служить достоверным критерием для определения радикальности их религиозных воззрений. Причина: субъективный характер этой объективации на фоне низкого уровня религиозной грамотности официального духовенства и сложных социально-экономических условий. Это закладывает приоритет проведения глубинных исследований религиозного поля республики и активной информационно-разъяснительной работы перед секьюритизацией отдельных форм демонстрации религиозности населением.

В концептуальном аспекте статья выстроена на базе подхода О. Руа к анализу мусульманских

общин, согласно которому невозможно выявить суть религиозной динамики внутри этих общин (соответственно, и роль внешнего воздействия на нее), опираясь исключительно на формы объективации религиозности и изучение тех или иных религиозных текстов [1, с. 42]. Здесь важно учитывать два момента: а) то, как мусульмане интерпретируют эту религиозную литературу – через призму радикальных или традиционных установок; б) в каких условиях они живут (включая социально-экономический, политический, культурный и психологический аспекты, которые выступают триггерами к восприятию радикальной идеологии как стимула к действиям насильственного характера).

Субъективный характер объективации религиозности в Кыргызстане обусловлен двумя факторами. Первый фактор состоит в том, что понятие «суннитский ислам ханафитского мазхаба» в Кыргызстане включает в себя большое количество разнообразных религиозных практик, которые являются органической частью повседневной жизни мусульман и не могут быть сведены к одной формуле объективации их религиозности. При этом данные религиозные практики представляют собой результат интерпретаций и убеждений людей в том, что, по их мнению, действительно соответствует исламским нормам, которые, в свою очередь, могут формироваться под влиянием социальных норм и / или привнесенных религиозных доктрин. Влияние последних, даже если они отнесены к радикальным, не всегда имеет негативный результат в аспекте трансформации убеждений верующих в направлении радикализации.

Так, Д. Монтгомери в своем исследовании приводит пример трех граждан Кыргызстана, каждый из которых считает себя праведным мусульманином, но ведет отличный от двух других образ жизни [2, с. 355, 359]:

- один ходит в мечеть, потому что это делает подавляющее большинство его односельчан, и цитирует аяты из Корана на арабском, не зная этого языка;
- второй читает намаз только по праздникам, наблюдая за другими для того, чтобы быть уверенным, что правильно совершает обряд, при этом не соблюдает пост, но посещает мазары;
- третий носит бороду и одевается в шальвар-камиз, совершает пятикратный намаз и читает проповеди в мечети. Он получил религиозное образование в Пакистане и Индии и вернулся в Кыргызстан, чтобы учить своих односельчан основам исламского вероучения.

При этом Монтгомери отмечает, что если первые два индивида не вызывают претензий со стороны властей и местных жителей, то характеристика третьего неоднозначна: одни уважают его, другие называют «экстремистом» или «ваххабитом», несмотря на то, что в своих проповедях он не выступает против существующего политического режима и не призывает к установлению халифата [2, с. 359]. В. Артман называет таких верующих текстуалистами, которые критикуют официальный муфтият, а не государство, сфокусировавшись на неприятии традиционных наслоений (например, посещение мазаров), которые, по их мнению, искажают «действительный», «правильный» ислам [3]. Текстуалисты сфокусированы на индивидуальной интерпретации священных текстов и индивидуальном следовании религиозным догмам и могут критиковать светские власти, будучи недовольными проводимой ими политикой, как и многие нерелигиозные люди.

Следовательно, ни внешний вид, ни факт того, что человек получил религиозное образование вне республики, не могут считаться прямыми доказательствами наличия у него радикальных взглядов. В этом отношении важно проводить различия между религией, имеющей своей основой доктринальные тексты, и религиозностью отдельного человека – его метода понимания этих текстов и их объективации в религиозных практиках и внешнем виде, его пути идентификации как мусульманина.

Второй фактор субъективного характера демонстрации религиозности верующими состоит в том, что свобода вероисповедания после приобретения Кыргызстаном независимости имела амбивалентный характер для религиозных групп. В частности, М. Пелкманс отмечает, что в советский период исламская религиозность не всегда предполагала обязательность соблюдения поста или чтения пятикратного намаза в силу установленных запретов, которые либо делали это невозможным, либо предоставляли хорошее оправдание для игнорирования этих норм. То есть была своеобразная свобода в выборе необходимых атрибутов собственной религиозности [4, с. 439]. Однако свобода вероисповедания в постсоветский период стала во многом накладывать ограничения на публичное исполнение религиозных практик мусульманами. Происходило это под влиянием контактов со странами мусульманского мира (прежде всего, арабских стран), которые воспринимались верующими в качестве образца для подражания. Свобода вероисповедания усилила среди мусульман представления о том, что религиозность должна проявляться в определенном типе поведения и внешнем виде [4, с. 441]. На эту трансформацию религиозной жизни после снятия советских запретов в Кыргызстане указывают и отечественные исследователи, отмечая, что распространенным стереотипом стало то, что все, привнесенное из стран Аравийского полуострова, считается аутентичным и правильным [5].

В качестве примера, демонстрирующего, каким образом свобода вероисповедания может накладывать ограничения на отправление религиозных практик, можно привести данные этнографического исследования Дж. Макбриен в с. Базар-Коргон, в котором она описывает поиск местными жителями правильных духовных ориентиров. Ученый отмечает, что многие жители села с предубеждением относились к женщинам в хиджабах в силу распространенной логической цепочки предположений: 1) носить хиджаб – значит быть «близким к религии»; 2) быть «близким к религии» – значит быть ««экстремально» религиозным»; 3) быть ««экстремально» религиозным» – значит быть «ваххабитом» [6, с. 135]. Таким образом, в общественном

мнении распространена точка зрения, что ношение хиджаба обусловлено исключительно религиозными воззрениями мусульманок. Однако анализ мотиваций одной из жительниц села надеть хиджаб, проведенный Макбриен, свидетельствует о том, что это не всегда так. С одной стороны, девушка интерпретировала возможность надеть хиджаб как проявление свободы вероисповедания, которая пресекалась в период СССР; с другой – на нее большое влияние оказал тот факт, что на местном рынке в начале 2000-х гг. появилось большое количество товаров из арабских стран, а также популярность телевизионного сериала «Клон», который воспринимался в качестве своего рода инструкции по внешнему виду истинной мусульманки [6, с. 132].

Вместе с тем, важно отметить, что приведенные примеры объективации религиозности, не связанные с радикализацией мировоззрения верующих, не могут свидетельствовать об абсолютной применимости тезиса о несводимости внешних изменений к типу религиозных убеждений верующих. На релевантность данного аргумента указывают результаты исследования Ф. Хейат, изучавшей трансформации, которые произошли после распада СССР в умме (религиозной общине) Кыргызстана на примере жителей Оша, посещавших образовательные религиозные курсы, организованные исламскими миссионерами из арабских стран. В частности, она приводит содержание своего диалога с представительницей одного из зарубежных исламских образовательных центров в Оше. Женщина в ответ на заявление исследователя о том, что она, будучи выходцем из семьи иранского богослова (из дореволюционного Ирана) полагает, что хиджаб не является обязательным атрибутом правоверной мусульманки, ответила, что считает шиитов своими врагами [7, с. 284].

Последние два кейса репрезентативны в двух аспектах. С одной стороны, они демонстрируют, что последствия религиозной политики СССР, проявляющиеся в разрушенном научном и образовательном фундаменте религии при сохранении сопряженной с традициями до-исламских верований и культов религиозности людей на бытовом уровне, создают благоприятные условия как для целенаправленных

действий зарубежных образовательных учреждений, исламских миссионеров и исламистских группировок по трансляции идей, противопоставляющих традиционный синкретичный ислам «ортодоксальному», «универсалистскому» исламу, так и для неосознанной самостоятельной трансформации верующими своей религиозной идентичности в направлении ее транснационализации.

С другой стороны, данные примеры показательны с точки зрения обозначения неэффективности работы официального исламского духовенства Кыргызстана по разъяснению населению возможных искажений в интерпретации исламских норм зарубежными миссионерами, и тех угроз, которые они несут. В этом плане ситуация усложняется двумя факторами. Во-первых, больше половины имамов Кыргызстана не имеют официального религиозного образования, получив знания в индивидуальном порядке у различных религиозных деятелей [8, с. 143]. Во-вторых, уязвимой категорией населения являются русскоязычные мусульмане, которые, не понимая проповеди официальных имамов на кыргызском языке в мечетях, вынуждены искать ответы на волнующие их вопросы религиозного, социального, семейного характера в Интернете и русскоязычной религиозной литературе, которая зачастую отражает салафитские религиозные догмы [5].

Между тем, проблематика неоднозначности объективации религиозности мусульманами Кыргызстана в системном виде раскрывается в деятельности имеющей значительное влияние в республике организации «Таблиги Джамаат». Представляется, что главными факторами ее аттрактивности выступают: а) аполитичность и принцип отрицания каких-либо насильственных действий; б) призыв к возрождению веры и поиску «правильной формулы» религиозности через избавление от неисламских наслоений и правильного соблюдения исламских ритуалов и норм, прописанных в базовых источниках веры – Коране и Хадисах. Однако важно подчеркнуть два момента в деятельности «Таблиги Джамаат», которые являются релевантными с точки зрения амбивалентности объективации религиозности. Во-первых, поскольку

особый стиль одежды таблиговцев (шальвар-камиз), как и в случае с хиджабом, зачастую воспринимается в качестве индикатора возможных радикальных взглядов, это привело к тому, что многие адепты «Таблиги Джамаат» стали адаптироваться к местным условиям и одеваться в соответствии с местными культурными паттернами (например, носить калпак) [3]. Данный факт служит еще одним подтверждением того, что форма объективации религиозности не является достоверным индикатором действительных религиозных взглядов мусульман.

Во-вторых, таблиговцы уязвимы в аспекте восприятия радикального дискурса, исходящего от запрещенных, признанных деструктивными террористическими группировками на территории Кыргызстана («Хизб ут-Тахрир», ИДУ и др.) в силу низкого уровня религиозной грамотности. Это обусловлено главным принципом организации: нерегламентированное членство в организации любого человека, согласного соблюдать ряд несложных предписаний и условий (главное из которых – иметь опыт проповеднической деятельности), независимо от уровня религиозных знаний. Так, по данным И. Комиссиной, «Таблиги Джамаат» во многих странах мира рассматривают в качестве т. н. «прихожей» радикального фундаментализма, поскольку транснациональные террористические группировки используют ее в качестве источника своих потенциальных адептов [9, с. 54].

Также в качестве непосредственных триггеров радикализации религиозных убеждений мусульман в Кыргызстане выступают сложные социально-экономические условия и правовая анония, которые актуализируют вопрос социальной депривации. Складывается ситуация, когда ухудшение общественно-экономического положения отдельных социальных групп по отношению к другим обуславливает недовольство первых тем, что они незаслуженно располагают меньшими правами / материальными благами. Впоследствии данное недовольство используется террористическими группировками, апеллирующими к идее построения справедливого исламского государства для мобилизации протестного движения против существующего социального и политического порядка. Так, согласно

результатам исследования Н. Такера в с. Араван, именно несправедливость общественного (социальная поляризация) и государственного (несправедливость и неэффективность функционирования государственных институтов) порядка стремились разрушить посредством джихада завербованные террористами жители с. Араван [10]. Ключевое значение психологического фактора в радикализации взглядов граждан Кыргызстана, которая ведет к действиям насильственного характера, отмечается и в исследовании отечественных экспертов, проводивших опрос осужденных за экстремизм / терроризм в пениitenciарных учреждениях республики [11, с. 98].

Сложность в определении того, кто является носителем радикальных взглядов, а кто – нет, в условиях ограниченного времени для принятия важных политических решений и отсутствия данных этнографических и социологических исследований о тенденциях, трендах и формах исламского возрождения в Кыргызстане, обусловила применение государственными органами мер по борьбе с внешними проявлениями религиозности, которые показали свою низкую эффективность. Так, непродуманная социальная реклама на билбордах в столице Кыргызстана о наличии связи между хиджабом и экстремистскими взглядами с призывом следовать национальным традициям в 2016 году вызвала неоднозначную реакцию среди национальных меньшинств. Согласно данным исследования Н. Такера, на юге Кыргызстана в ряде сел с узбекским и таджикским большинством населения посыл билбордов был понят в контексте привязки их гражданских прав к этнической идентичности, а не угроз радикализма. Потому что изменения, которые происходили в с. Араван в плане религиозных практик и одежды, интерпретировались местными жителями как возвращение именно к своим национальным традициям, которые были забыты или нарушались в период СССР и которые соответствуют принципам «правильного» ислама [10]. Данный факт подтверждается и результатами исследования Ж. Сулайманова, согласно которым на юге республики проявляются тенденции замещения маркеров этнической идентификации религиозной в целях предотвращения межэтнических столкновений, вызванных бытовыми

разногласиями. А это ведет к распространению в них жестких религиозных требований [12, с. 150–151]. Как следствие, секьюритизация объективации религиозности государством ведет к обратным результатам, создавая благоприятные условия для деятельности экстремистских организаций, манипулирующих общественным недовольством политикой государства.

Таким образом, формы объективации религиозности в Кыргызстане не имеют каузальных связей с исламизацией радикализма и зависят от субъективной интерпретации норм и требований исламского вероучения мусульманами. В условиях свободы вероисповедания среди верующих была актуализирована необходимость поиска источников правильной формы демонстрации своей религиозности, начиная с телевизионных сериалов и заканчивая исламскими высшими учебными заведениями. При этом, в зависимости от социально-экономических и правовых условий верующих, а также наличия возможности обращения к альтернативным официальным источникам религиозной информации, формы объективации религиозности могут как сопровождаться восприятием ими радикальных убеждений, так и иметь совершенно иное наполнение, исходя из их субъективных представлений. Это усложняет для руководства государства механизм определения мусульман с экстремистскими взглядами и обуславливает не только неэффективность, но и негативные последствия секьюритизации внешних форм религиозности мусульман. Секьюритизация ведет к формированию атмосферы социальной напряженности, которая используется исламистскими группировками в качестве ключевого элемента критики власти в религиозном догматическом обрамлении.

Литература

1. Roy O. Jihad and Death. The Global Appeal of Islamic State / Trans. C. Schoch. New York: Oxford University Press, 2017.
2. Montgomery D. Namaz, Wishing Trees and Vodka: The Diversity of Everyday Religious Life in Central Asia // *Everyday Life in Central Asia: Past and Present* / Eds. J. Sahadeo and R. Zanca. Bloomington: Indiana University Press, 2007.
3. Artman V. Contemporary Modes of Islamic Discourse in Kyrgyzstan: Rethinking the Moderate – Extremist Duality // *CAP Papers*. 2016. № 170. URL: <https://centralasiaprogram.org/archives/9744> (дата обращения: 24.02.2021).
4. Pelkmans M. Paradoxes of Religious Freedom and Repression (Post) Soviet Contexts // *Journal of Law and Religion*. 2014. Vol. 29. № 3.
5. Myrzabaev M., Nasritdinov E. Saudi influence in Kyrgyzstan: Beyond Mosques, Schools and Foundations. URL: https://www.academia.edu/43788663/Saudi_influence_in_Kyrgyzstan_Beyond_Mosques_Schools_and_Foundations (дата обращения: 17.02.2021).
6. McBrien J. Mukadas's Struggle: Veils and Modernity in Kyrgyzstan // *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2009. Vol. 15. Islam, Politics, Anthropology.
7. Heyat F. Re-Islamisation in Kyrgyzstan: Gender, New Poverty and the Moral Dimension // *Central Asia Survey*. 2004. № 23:3–4.
8. Турусбеков Р. Психологический и социальный портрет экстремиста и террориста / Р. Турусбеков // Укрепление потенциала по предотвращению насильственного экстремизма в Кыргызской Республике. Бишкек: Search for Common Ground, 2014.
9. Комиссина И.Г. Движение «Таблиги Джаамат»: теория и практика радикализма / И.Г. Комиссина // *Проблемы национальной стратегии*. 2011. № 1 (6).
10. Tucker N. What Happens When Your Town Becomes an ISIS Recruiting Ground? Lessons from Central Asia about Vulnerability, Resistance, and the Danger of Ignoring Perceived Injustice // *CAP Paper*. 2018. № 209. URL: <https://centralasiaprogram.org/archives/12497> (дата обращения: 24.02.2021).
11. Пантелеева Л.Ю. Радикализация, ведущая к насильственному экстремизму в Кыргызстане / Л.Ю. Пантелеева // *Вестник КРСУ*. 2020. Т. 20. № 6.
12. Сулайманов Ж. Стратегии безопасности в религиозной и повседневной жизни этнических меньшинств в Оше / Ж. Сулайманов // Сб. докладов II межд. конф. «Ислам в современном светском государстве». Бишкек, 15–16 ноября, 2018. Бишкек, 2018.